

Н.Н.Алексеев

ОСНОВЫ
ФИЛОСОФИИ
ПРАВА

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1998

Глава III

Лицо в праве

1. Современные теории юридического субъекта

Наиболее глубокой частью правовой структуры является, как мы видели, носитель обнаруживающих ценности актов — именно тот, кто выказывает свое отношение к правовым ценностям, признает их, выполняет деятельность признания, присутствует в ней и переживает ее. Назовем такого носителя актов — лицом. Некоторая самоочевидность убеждает нас, что таким "деятельным" лицом в праве может быть только человек, или "физическое лицо".* Именно, человеку принадлежит та "естественная" дееспособность, которая врождена каждому из нас "по природе" и не может быть предметом искусственного юридического установления. Если юридическая теория и признает существование иных, не физических лиц, то, согласно общепринятому мнению, они не могут быть "деятельными" лицами. Если же, однако, за ними признается эта способность деятельности, то только при условии уподобления их жизненному единству отдельной человеческой личности. Если общество, например, есть подобный человеку организм, то почему же ему не обладать в таком случае врожденной и самой природой данной способностью к деятельности? Общественный организм, как некоторый "большой" человек, с таким же успехом может осуществлять свою собственную дееспособность, как и "малый" человек, физическое лицо. Но следует заметить, что принятие такого допущения отнюдь не меняет существа вопроса. Свойство "быть деятелем" остается прирожденным свойством физической личности, единичной или коллективной.

Но что же такое представляет из себя эта "физическая личность"? Очевидно, ее нельзя отождествить с материальным субстратом, с личностью связанным; нельзя отождествить также и с простым органичес-

* Ср., напр., *Brinz, Lehrbuch der Pandekten*, 1873, Bd. I, S. 172: "Dem gemeinen Wortgebrauche nach bedeutet persona nicht mehr und nicht weniger als einen Menschen". "Nur die Menschen sind Personen" (S. 194). — *Dernburg, Pandekten*, Berlin, 1902. 7. Aufl., S. 107 Not. 1, 108. — *Windscheid-Kipp, Pandekten*, I, S. 187 Not. 1 и др.¹

ким единством клеток. Едва ли определяют ее также и те элементарные внутренние явления, которые мы называем психическими переживаниями. Ведь не всякое же испытывающее переживания физическое единство может быть "физическим лицом" как "деятелем". Но если ни чисто физические, ни органические, ни элементарно-психологические признаки не определяют существа физического лица, то что же является здесь определяющим? Трудность ответа на этот вопрос привела юридическую теорию и философию права к установлению ряда сложных и по существу своему неправильных гипотез, на изучении которых нельзя не остановиться. Наиболее простым выходом из всех этих затруднений является путь, который предлагают сторонники юридического метода. Поставленный вопрос, по их мнению, и не может быть решен в каком-нибудь общем виде. Все дело зависит от характера и особенностей соответствующих норм положительного права. Положительное право может установить в одном случае одно, в другом — другое: оно может приписать свойства дееспособности в одном случае одним лицам, в другом — другим. При таком допущении нет смысла искать какого-либо общего решения вопроса о том, кто может быть юридическим деятелем. Мы полагаем, однако, что нигде условный характер юридического метода не проявляется так ярко, как в этой точке юридического исследования. На самом деле, можно ли посредством юридических установлений объявить "деятелями" камни, деревья, планеты и т. п.? Во всяком случае, это было бы установлением чистых фикций, возможных только потому, что за них, вместо них и их именем действовали бы настоящие живые "деятели" — люди. Юридическая норма не обладает способностью производить на свет живые существа, но только при наличии такой способности она могла бы создавать подлинных "действующих" лиц в праве. Единственно, на что действительно способно юридическое установление — это на запрещение деятелям проявлять свою деятельность. От такого запрещения способность деятельности, конечно, не утрачивается, — недееспособный, раб, не теряет прирожденных свойств дееспособности, — однако все проявления его деятельности считаются юридически ничтожными. С отменой данного установления прекращается эта ничтожность; естественные свойства получают возможность своего естественного проявления. В противоположность этому, с отменой постановления, объявившего недееспособными зародышей, лежачее наследство и т. п., эти последние, конечно, не приобретают свойств быть юридическими деятелями.

Своеобразным вариантом юридико-догматических воззрений на субъект права является весьма модная ныне теория юридических конструкций, или юридических фикций. От чистого юрицизма она отличается тем, что возвращается не в области относительных юридических установлений, но восходит к безусловному философскому решению вопроса. Существо названной теории отлично формулировал Отто Гирке, утверждая, что "личность есть правовое понятие", которое получается

при помощи совершаемой правосознанием абстракции, путем "выделения одной части действительности".* Поэтому юридический субъект не тождественен с какой-либо воспринимаемой нами реальной целостностью явлений; он невидим и неосязаем. Подобных же воззрений придерживается и новейший известный государствовед Ганс Кельсен. По его мнению, лицо, как оно мыслится юристом, есть понятие не фактическое, а чисто нормативное.** И безразлично, о каком лице здесь идет речь — о физическом или идеальном. Всякое лицо как субъект права есть нечто совершенно искусственное, созданное особой юридической конструкцией.*** Нужно, следовательно, раз навсегда отказаться от общепризнанного воззрения, что живой человек может быть субъектом права. Для юриста "понятия человека и лица не связаны никакой существенной необходимой связью".**** Только ошибочное смешение нормативного метода с методом фактическим делает понятным происхождение заблуждения, согласно которому человек отождествляется с правовым субъектом! На самом деле "органически телеологическое" единство, именуемое человеком, ничуть не тождественно с личностью в юридическом смысле этого слова;***** психологическая воля первого не имеет ничего общего с юридической волей последнего. Человек становится лицом только тогда, когда при помощи юридической конструкции он превращается в особый "центр вменения", лежащий совершенно по ту сторону фактических отношений. Тогда только он вооружается юридической волей и становится в отношения к юридической норме. Но подобным "центром вменения" правопорядок может считать и не только человека. "Оттого каждый человек отнюдь не является лицом, и могут существовать лица, не являющиеся людьми".***** Поскольку все они суть лица в юридическом смысле этого слова (субъекты права), постольку всем им одинаково присуща некоторая общая природа и общие свойства. Существует полное тождество внутренней природы государства как юридического лица с внутренним существом любого иного субъекта права — будь то человек, корпорация, общество, учреждение. И существует полное сходство между юридической волей государства и волей других лиц в юридическом смысле этого слова, поскольку волей этой является способность к юридическому вменению.

Но наиболее оригинальная из новейших теорий лица была построена одним из выдающихся представителей неокантианской философии Германом Когеном.² Идея субъекта для него совпадает с идеей человека,

* *O. Gierke, Deutsches Privatrecht, 1895, S. 268.*
 ** *H. Kelsen, Das Problem, S. 89.*
 *** *H. Kelsen, Hauptprobleme des Staatsrechts, S. 518.*
 **** *Ibid. S. 519.*
 ***** *Ibid. S. 83.*
 ***** *Ibid. S. 83.*

но человек для Когена не есть отдельный, единичный индивидуум.* В том-то и заключается ограниченность психологической точки зрения на человека, для нее исходной точкой и основным понятием является единичный индивидуум. Для нее человек есть прежде всего "чувственный", "физиологический", следовательно, "животный" человек, — допущение, значительно суживающее перспективу при изучении человека.** Единичность есть только один, наиболее бедный момент в понятии человека, ибо человек есть не только нечто единичное, но и множественное, — именно люди, человечество.*** А всякое множество, как учит логика, может переходить в новое единство — в совокупность. В истории философии впервые Платон узрел "в человеке нечто единое, нечто совокупное". В "Республике"³ Платон исходил, как известно, не из единичной души человека, но из той "души", которая отражается в государстве и в нем получает свою жизнь.**** Поскольку же "душа государства" есть для Платона часть великой "мировой души", постольку в этике и в политике человек выступает уже не как "единственный" и не как единица какого-либо множества, но как нечто причастное совокупности. Слияние с совокупностью впервые дает человеку душу, оно дает возможность ему освободиться от бесплодного пребывания в пределах особенного и возводит до ступени некоторого творческого единства. Индивидуум преобразуется и как бы преображается.***** Он становится единством этической личности*****. При этом возвышении отнюдь не утрачивается личность,***** но только уничтожается партикулярная единичность чувственного индивидуума, которую обычное сознание считает единственно возможной формой единства.***** В индивидууме начинает отображаться идея. А истинный индивидуум и есть ничто иное, как "индивидуум идеи".*****

Идея же по существу своему всецело совпадает с должным, растворяется в нем.***** Но "должное" в понимании Когена совпадает с понятием закономерной воли — т. е. воли, действующей по предписаниям и законам этики.***** Воля тем и отличается от простого стремления, что она сливается с должным и благодаря этому слианию

* *H. Cohen, Ethik d. reinen Willens, S. 3, 11, 16.*
 ** *Ibid. S. 21.*
 *** *Ibid. S. 4.*
 **** *Ibid. S. 6 – 7.*
 ***** *Ibid. S. 33.*
 ***** *Ibid. S. 71, 73.*
 ***** *Ibid. S. 73.*
 ***** *Ibid. S. 175, 221.*
 ***** *Ibid. S. 38, 51.*
 ***** *Ibid. S. 26.*
 ***** *Ibid. S. 26, 178.*

приобретает истинное бытие*. Такая воля есть чистая воля, т. е. некоторый особый род познания, некоторый особый метод, отчасти противостоящий чистому познанию логики, отчасти включающий в себя это последнее.** Чистая воля не есть психологическое понятие, ее нельзя считать простым внутренним переживанием, хотя внутренний момент отчасти и присутствует в ней.*** Воля есть переход из внутреннего во внешнее, обнаруживающийся в том, что называется обычно поступком. Понятие воли связано с понятием поступка и неотделимо от него. Понятие поступка есть основное понятие этики. В поступках обнаруживается и живет человек как этический субъект. Главная трудность в понимании поступка сводится к тому, как объяснить его единство. Никакой поступок не происходит в один миг, напротив, он распадается на несколько моментов. Единство этих моментов не может быть единством психологическим, так как всякий поступок выявляется во вне, требует, так сказать, пространственного протяжения.**** Единство этих моментов и есть единство "совокупности", единство платоновского "большого человека", или государства, другими словами, единство рациональной закономерности.*****

Мы подходим здесь к идее правового субъекта как носителя правовых актов, как деятеля. Субъект права не может не быть также единством и не мыслим иначе, как единством. Но единство субъекта не может быть найдено в пределах психологии, и его способна объяснить только этика.***** Оно всецело обуславливается уже названным нами единством действия. Юридическим субъектом не может быть простой индивидуум, не возвысившийся до совокупности. Он должен обладать чистой волей. Он должен быть носителем единства поступков. И как раз в юридическом субъекте имеются налицо все эти свойства. В этой точке открывается принципиальное и доселе еще неразгаданное, по мнению Когена, соотношение между юриспруденцией и этикой.***** Именно в юридическом субъекте этика находит образец фактического соединения индивидуального и совокупного.***** Особенно здесь важен тот вид субъектов, который наука о праве называет юридическими лицами. Юридическое лицо в свойствах своих противостоит физическому лицу, отдельному человеку. В этом противопоставлении одновременно мыслится также и противоположность общих интересов и интересов индивидуальных, общих целей и целей личных, общей воли и воли единичного отдельного

* Ibid.
 ** Ibid. S. 37.
 *** Ibid. S. 68, 98, 112.
 **** Ibid. S. 68 – 69.
 ***** Ibid. S. 76.
 ***** Ibid. S. 70.
 ***** Ibid. S. 217.
 ***** Ibid. S. 72 и след.

существа, общего поведения и поведения отдельного человека*. Таким образом, в этой точке соединяются все моменты, образующие проблему субъекта. И самое поразительное то, что в юридическом лице дело идет не об отдельных волях многих лиц, но что здесь приобретает истинное единство воли и, следовательно, идея субъекта доходит до своего истинного смысла.** Это единство воли и есть реализация идеи совокупности, достигаемая в бытии юридического лица.*** Оттого воля юридического субъекта не есть простая сумма индивидуальных волей, но высшее единство воли, *volonté générale*, и эта идея юридического субъекта не есть фикция, как многие думают, это есть гипотеза, конструирующая существо этического сознания. Это есть этический образец совокупности, в которой исчезает множество и рождается новое единство.****

После всего сказанного совершенно в новом свете представляется исходная мысль "Республики" Платона — начинать этические исследования, исходя от государства, а не от отдельного человека. Государство есть прежде всего юридическое понятие, юридическое лицо.***** Оттого в лице государства следует усматривать прообраз идеи этического субъекта. Государство с полным правом может своим отрицателям: "Только во мне и через меня возможно достигнуть истинного человеческого самосознания и утвердить его".***** Каждое существо, способное быть этическим субъектом, способное обладать чистой волей, должно быть призвано к участию в жизни государства, и через это участие впервые достигает оно истинного самосознания. Если мы условимся называть то лицо, которое является способным иметь чистую волю, лицом духовным (или духом), то государство и будет преимущественно царством духа. Так называемая фикция юридического лица превращается в этом учении в гипотезу субъекта как наивысшего выражения духа.*****

2. Субъект права в двух его основных значениях

Основное заблуждение всех этих теорий покоится на недостаточном уяснении самого понятия "субъект права". Все они принимают понятие субъекта в том смысле, в каком оно применяется юридической практикой и теорией, между тем смысл этот и не является однозначным и твердо установленным.

* Ibid. S. 217, 229.
 ** Ibid. S. 218.
 *** Ibid. S. 224.
 **** Ibid. S. 219–221.
 ***** Ibid. S. 75.
 ***** Ibid. S. 231.
 ***** Ibid. S. 232–233.

В учении о субъекте права, как оно излагается в общей юридической теории, сравнительно слабо проявляется идея лица как юридического деятеля — идея, которая была выдвинута нами в качестве одного из основных элементов правового феномена. Момент осмысливающей деятельности в области положительно-правовых установлений погашен фактом объективного права, которое как бы является реализованным и закрепленным юридическим смыслом. Юридическому субъекту при этом ничего не остается, как пассивно воспроизводить смысл положительного права путем толкования юридических норм. Юридический субъект постольку и признается существующим, поскольку он таит в себе объективный логос положительно-правовых норм. И только в некоторые, сравнительно редкие, моменты из-за отвлеченной формы объективного права начинает просвечивать живая личность как носительница действительного правосознания. Моменты эти чувствуются в юридическом учении о дееспособности, где прямо указываются эмпирические и жизненные границы осмысленного существования; они ощущаются при объяснении и таких юридических понятий, как юридический акт, ошибка, заблуждение, обман, изъявление воли посредством других лиц и представительство. Идея осмысленного поведения не может быть отделена также от понятия правонарушения, которое по существу своему сводится к деяниям и упущениям, т. е. к осмысленному поведению. Но вместе с тем лицо как носитель правовой деятельности совершенно исчезает, коль скоро юридическая теория начинает говорить о правоспособности, о юридическом лице, об отвлеченном правоотношении и т. п. Во всех этих случаях быть субъектом права или носить право отнюдь не значит быть юридическим деятелем. Если здесь говорят о субъекте как носителе, то очевидно в каком-то особом смысле. Именно, носить "право" может означать не только быть деятелем, но еще и быть признанной и охраняемой правом порядком ценностью.* Это второе значение понятия субъекта права имеет мало общего с первым. Признанной правом порядком ценностью могут быть не только реальные юридические

* Присутствие этого ценностного элемента в понятии субъекта права отмечено многими юристами. Ср. Hölder, *Natürliche und juristische Personen*, 1905, S. 111 bis 112: "Was ist aber, das unser Recht allen Menschen dadurch zuerkennt, dass es sie unterschiedlos als Personen behandelt? Es ist damit ein Wert bezeichnet, den es ihrem Leben zuerkennt". — J. Binder, *Das Problem der juristischen Persönlichkeit*, 1907, S. 41: "Wenn wir heute lehren, dass alle Menschen rechtsfähig sind, so ist damit, wie Hölder, leider nur ganz im Vorbeigehen, mit Recht bemerkt, dem Menschen ein Wert zugesprochen, den die Rechtsordnung seinem Leben zuerkennt". — L. Duguit, *L'état, le droit objectif et la loi positive*, v. I, p. 161, устанавливая понятие "субъективного юридического положения" (*situation juridique subjective*) подчеркивает в нем момент ценности: "c'est une situation créée par une volonté individuelle consciente d'elle-même... avant comme telle une valeur sociale".⁴ — Весьма резко подчеркнут этот момент у Schuppe, *Grundzüge der Rechtsphilosophie*, 1881, S. 294-5.

деятели; порядок может одинаково считать ценностью и вещи, и человеческие цели, и различные выявившиеся смысловые содержания и коллективы. В таком случае все они становятся носителями прав, самостоятельными юридическими субъектами. Таким образом, в учении об юридическом субъекте проглядывает тот ценностный элемент, который по логическому смыслу своему отличен от идей деятельности и активности. Но первоначальное, донаучное мышление подводит и этот элемент под понятие лица. Если что-либо признается юридической ценностью, оно должно иметь характер субъекта права, лица — так рассуждает донаучное сознание. Другими словами, в персонификации оно видит только единственный способ установления ценностей — обстоятельство, которое позволяет предположить, что донаучному сознанию незнакомы никакие другие ценности, кроме персональных.

Здесь находит свое объяснение инстинктивное увлечение, которое современная теория права питает к идее юридического лица и вообще субъекта права — понятию, которое считается едва ли не высшим юридическим обобщением. В учении об юридическом субъекте современная теория, сама не сознавая того, излагает воззрения действующего права на кардинальные ценности, лежащие в основе современного юридического строя. Такова, например, ценность хозяйственного самоопределения отдельных лиц и союзов частно-правового характера. Считая их субъектами права, современный порядок санкционирует, охраняет и защищает идею частной хозяйственной автономии. До известной степени и учение о государстве как юридическом лице есть своеобразная формулировка и защита ценности централизованных форм публично-правового властвования. Нет сомнения, что в праве социалистического общества идея субъекта как ценности теряет значительную долю своего влияния. При социалистическом строе хозяйствует общество через лиц и силы лиц. Оттого в нем на место множественности хозяйственно-автономных субъектов становится единый субъект — государство. При крайней стилизации подобного воззрения господство коллективных ценностей может стать определяющим для всей вообще жизни личности. В такой системе отношений нет места понятию хозяйственно самоопределяющегося субъекта прав как ценности, однако субъект права как деятель тем самым вовсе не уничтожается. Осмысливать систему правового поведения коммунистического общества может только тот же самый "субъект", который осмысливает систему поведения в обществе буржуазном.

Принципиальное различие между субъектом права как деятелем и субъектом права как ценностью всего яснее обнаруживается из сравнения понятия субъекта права с понятием субъекта обязанности. В настоящее время считается модным выдвигать на первый план понятие юридической обязанности, но в то же время сущность связи этого понятия с идеей субъекта остается неразгаданной. Нет никакой принципиальной противоположности между субъектом права и субъектом обязанности,

коль скоро под субъектом мы разумеем носителя юридического осмысливания, юридического деятеля. Ситуации управомоченного и обязанного одинаково являются осмысленными, хотя осмысленность эта и идет в направлении двух совершенно различных и самостоятельных модусов: правомочия и долженствования, *posse* и *debere*, характеризующих первоначальные особенности юридического отношения как связи двусторонней*. Тот, кто способен устанавливать, реализовать, переживать и осуществлять эту связь, есть "субъект" как основной агент правового осмысливания и вытекающей из него деятельности. Он один действует, устанавливая и правомочия, и правообязанности. Основные свойства его не изменяются в зависимости от того, какой модус⁵ он реализует. Но дело совершенно меняется, коль скоро мы будем рассматривать идею юридического субъекта с точки зрения ценности. Быть субъектом права, как мы уже видели, значит, быть признанной правом ценностью, "быть самоцелью". Легко видеть, что подобные определения совершенно неприменимы к юридическому субъекту как носителю обязанностей. "Быть носителем обязанностей" не только не означает быть ценностью, но скорее означает нечто противоположное: "быть средством для выполнения некоторой цели", "исполнять некоторое заданное назначение", "служить какой-то ценности". Модус правомочия, другими словами, сливается с идеей положительной ценности; модус долженствования стоит в отношении к ценностям, но обладает совсем особым, новым смыслом.

Недостаточное различие идеи лица как правового деятеля от идеи лица как ценности составляет главное заблуждение всех вышеназванных теорий. И платоновский "большой человек", и государство, и общество, и даже любая фикция, конструкция и гипотеза могут быть признанными правопорядком ценностями. Однако ценности эти ни в их идеях, ни в их реализациях не могут быть ни этическими, ни юридическими деятелями. Сколько бы мы ни называли их лицами и сколько бы ни наделяли волей, в виде нормы Кельсена или в смысле "чистой воли" Когена, сколько бы ни приобщали к "совокупности", от этого они ни в малейшей степени не приобретут способности деятельности. Юридические конструкции и фикции, и даже духовные лица Когена совершенно неспособны к выполнению таких актов, как любовь, ненависть, признание и т. п., ибо у них недостает того, что каждому из нас представляется наиболее знакомым и, пожалуй, наиболее близким, но что в то же время совершенно недоступно какому бы то ни было определению — именно непосредственной способности к совершению актов и к их переживанию.

Следующим весьма существенным недостатком всех вышеназванных теорий является неспособность подняться до истинного уразумения существа и природы носителя и субъекта этической деятельности. Наиболее распространенное в этических теориях воззрение склонно нравственные явления рассматривать исключительно с точки зрения их внутренней динамики, развертывающейся в автономном сознании личности. В таком направлении, конечно, есть своя доля истины, так как существенной чертой добра всегда является его действительность, исходящая из внутренней стихии нашего сознания. Однако величайшим ослеплением нужно считать взгляд, который ищет добро, нравственность только в силе личного разума человека. Такой взгляд есть одно из наследий этического рационализма, столь еще популярного в современной философии.* Им грешат даже и те из современных моралистов, которые отвергли этику разумной воли и признали величайшее значение для нравственности духовных эмоций и чувств. Даже они склонны считать, что только "известная ступень" человеческого существования является условием тех актов, которые называются этическими. Сюда относится прежде всего здравый ум или способность полного понимания и разумения; сюда относится далее состояние зрелости и способность владеть собой.** Таким образом, лицом в этическом смысле этого слова может быть признан только разумный человек и ни в коем случае не может быть признан ребенок, слабоумный или животное. С точки зрения нравственного опыта воззрение это следует признать совершенно несоответствующим фактам. Каким образом, например, у ребенка можно отрицать способность действительной нравственной любви и многих других нравственно осмысленных актов? Разве ребенок не может обещать, давать слово, предпринимать внутренние решения и проч.? Разве ему недоступен внутренний опыт полного смысла морального делания? Разумеется, с точки зрения взрослого человека нравственная жизнь ребенка представляется некоторым состоянием угашенной или, вернее, еще не пробудившейся разумности, но это не есть состояние безнравственное. В некотором смысле такое состояние может даже быть нравственно высшим, чем состояние разумности, — вспомним хотя бы евангельский призыв "будьте, как дети". Нравственный лик добра и зла может проглядывать как бы в самой физической природе ребенка на тех ступенях ее развития, на которых даже нет малейших признаков разумности. В данном случае можно уже не описательно говорить о нравственной "природе", в которой добро и зло, как все в природе, не творится, но рождается и происходит. Это может показаться парадоксальным с точки зрения личной моральной рефлексии, но это совершенно естественно с точки зрения

* Об этом см. гл. V.

* Здоровая реакция против него намечается в гуссерлианской школе. †
** Ср. Scheler, Der Formalismus etc., S. 495 и след.

чисто объективного воззрения на добро и зло. Моральный характер может проявляться даже не только у ребенка, но и у лишенного разума взрослого человека — безумного, юродивого. Тот вид безумия, который можно назвать "одержимостью", — так называемое "бесовство" и "беснование", — суть несомненные печати зла, наложенные самой природой, бессмысленной и неразумной. С другой стороны, тихое и светлое безумие, именуемое юродством и являющееся нравственным идеалом восточной религиозной мудрости, есть образец запечатленного добра в стихии, чуждой всему разумному и осмысленному. Более того, мы должны признать, что лики добра и зла могут светиться даже в существовании чисто бестияльном. "Никакому другому животному не свойственна эта таинственная сила, немая и исходящая словно из загробного царства зла", — говорит один художник, изображая природу змеи. "Отвага и храбрость, хорошее оружие и хладнокровие ей не опасны: наряду со множеством магических средств, она располагает еще одним страшным орудием, перед которым бессилен даже герой — способностью вызвать отвращение. Но наряду с этим и многим другим, что таит в себе ее существо, на всех ее движениях лежит демонический отпечаток, напоминающий нам о вечном торжестве зла". И вот другое описание, свидетельствующее, что философ и моралист во многом должен позаимствовать у художника. "Посмотри на коня, животное великое, близ человека стоящее, или на вола, его питающего и работающего ему, понурого, задумчивого, посмотри на лики их: какая кротость, какая привязанность к человеку, часто бьющему его безжалостно, какая незлобливость, какая доверчивость и какая красота в его лике. Трогательно даже это знать, что на нем нет никакого греха..."*

Принимая во внимание все эти факты, никак нельзя сказать, что носителем этической деятельности является "человек". Такое мнение было бы совершенно неправомерным сужением подлежащих изучению явлений. Но еще с меньшим правом можно сказать, что носителем, нравственным деятелем является "признающий" этические нормы субъект** или же носитель чистой воли, ставящий цели, наделенный способностью разума и т. п. Нравственная актуальность есть гораздо более универсальный факт, чем это полагают все названные воззрения. Если попытаться определить его наиболее общие границы, то они совпадают с актуальностью жизни, с "живым", как непосредственно деятельным и активным. Там, где наблюдается непосредственный акт жизни, там имеют место и явления нравственного порядка. Внутреннее бытие жизни по существу своему есть проявление внутреннего небезразличия, — почва, на которой вырастают добро и зло.

* Характеристики взяты у Бонзельса⁶ и Достоевского.

** Взгляд, на котором построено различие между правом и нравственностью у Кельсена, — различие, составляющее едва ли не главный пункт всей его теории права и государства.

Из всех существующих теорий лица как деятеля более всего приближаются к высказанному нами взгляду те, которые отождествляют лицо с деятельным, актуальным или чистым сознанием. Новейшая философия называет чистым сознанием, чистым Я или чистым феноменом сознание в его непосредственной актуальности, — самый акт сознания, как он открывается каждому сознающему, живущему и присутствующему в этом акте. Не явление, стало быть, а сама являемость. Такое сознание, созерцаемое нами при известной установке нашего умственного зрения, есть нечто последнее, не нуждающееся в каком-либо дальнейшем объяснении и не могущее быть объясненным*.

Тот, кто не сознавал и не сознает, тот никогда не поймет, что такое это сознание. Поэтому данность сознания можно описать только тавтологически. Причем следует остерегаться каких-либо "научно-построенных" описаний, которые могут только умертвить живую данность сознания. Чистое сознание ни в коем случае не может быть "предметом науки". Превращение в предмет уже выносит его из состояния непосредственной актуальности, превращает в "явление", составляющее содержание непосредственной являемости, делает чем-то другим, новым, актуализированным.** Оттого изучаемое в психологии сознание не есть "чистое", но некоторая его объективация, в свою очередь, предполагающая чистое сознание. Отсюда следует несколько парадоксальный вывод, что первоначальное, чистое, Я, в собственном своем значении не есть ни исторический факт, ни нечто временно существующее. Оно не лежит во времени, но содержание его излучается из недр сознания во временный процесс.*** Но в то же время, разумеется, чистое сознание не есть простое ничто. Единственное определение, подходящее к обозначению чистого сознания, есть идея чистой возможности. Чистое сознание есть возможность, коррелят возможным предметам или возможный субъект возможных актов — в таких определениях нет ничего, нарушающего чистоту сознания в его непосредственном динамическом значении. Чистая возможность есть также нечто первоначальное, невыводимое; она также не может быть предметом, так как превращение в предмет пре-

* Ср. P. Natorp, Allgemeine Psychologie,⁷ 1912, S. 27

** Ср. Natorp., I, с., S. 28 – 29. — M. Scheler, Der Formalismus etc. называет "лицом" нечто по идее своей близкое к такому чистому сознанию. "Person ist die konkrete, selbst wesengafte Seinseinheit von Akten verschiedenartigen Wesens"... "Das Sein der Person ist nie Gegenstand"... "Die einzige und ausschliessliche Art ihrer Gegebenheit ist... allein ihr Aktvollzug selbst (auch noch der Aktvollzug ihrer Reflexion auf ihre Akte), — ihr Aktvollzug, in dem lebend sie gleichzeitig sich selbst erlebt"... "Wer also... unter "Bewusstsein von etwas" alle intentional gerichteten und sinnerfüllten Akte ... versteht, der mag und darf die Person auch als das konkrete "Bewusstsein-von "bezeichnen". (S. 397 – 407).⁸

*** Natorp, I, с., S. 32. Шелер называет феномен лица психически-нейтральным и даже транспсихическим.

вращает ее в действительность, в временный факт. Скорее она есть центр отношения возможных фактов — и в таком качестве противостоит каждому временному факту, как нечто совершенно не фактическое.

Положительной стороной теорий чистого сознания является то, что им удается схватить феномен актуальности в его истинно непосредственном существовании. Однако схватывают они его в особой и несколько суженной установке, — именно в установке новейшей гносеологии с ее учениями о трансцендентальной апперцепции, чистом Я или гносеологическом субъекте. Подобный субъект или слишком формален и пуст для того, чтобы быть носителем нравственных актов, или же понятие о нем образовано на основании наблюдения высших стихий моральной сферы, — именно стихии самосознания и сознательного самоопределения. Таким образом идея актуальности суживается этими теориями до пределов актуальной жизни самосознающего Я и исключает всю под-сознательную и сверхсознательную жизнь. Предполагается, что состояния параспсихические, состояния не обладающие самосознанием, например животной жизни, и даже высшие духовные состояния, на которых самосознание погашается, например состояния экстатические, не могут быть носителями добра и зла. По нашему мнению, область воплощения нравственных ценностей совпадает с областью жизни вообще и потому носителями моральных актов могут быть не только все вышеназванные состояния, но и вообще все состояния актуальной жизни. Моральным характером не может обладать только мертвое. В нем могут реализоваться только эстетические ценности, — мертвая природа может быть прекрасной или безобразной, но нравственно она безразлична. Она может вредить или быть полезной, но внутри себя, в самой себе она не может носить добра или зла. Зато жизнь, по-видимому, начиная с низших и кончая ее высшими сферами, есть по преимуществу арена борьбы добра со злом. И актуальное биеение жизни есть стихия, специально предназначенная для воплощения и реализации нравственных ценностей.

Неправильно было бы думать, что разбираемая здесь точка зрения просто хочет растворить нравственность в "творческом жизненном порыве". Она только утверждает, что там, где проявляется чистый и разумно слепой "élan vital",⁹ могут уже наблюдаться нравственные феномены. Но это, разумеется, низшие и элементарные проявления нравственности, — нравственность в ее природном существовании, в котором мы наблюдаем такие нравственно безразличные факты, состояния и деятельности, как симпатия и антипатия, дружелюбие и враждебность, кротость и злоба, склонность к общительности и замкнутость в себе. Другая, высшая область нравственности ближайшим образом связана с существом духовной жизни и с характеризующими ее состояниями и деятельностями. В свою очередь, в ней нельзя не заметить своеобразных различий и ступеней. Низшая из них есть ступень моральной сознательности и рефлексии, обыкновенно принимаемая новейшими моралистами за единственно возможную форму моральной деятельности. Характер-

ными моментами ее является прежде всего известный гнозис, т. е. стремление разумно опознать существо и смысл нравственных ценностей, диктуемых ими предназначений и целеполаганий; далее, так называемая автономия или способность к сознательному и лично определяемому нравственному деланию; наконец, личная уверенность, как выражение непосредственного личного участия в жизни добра и зла. Эта ступень и есть, в сущности говоря, ступень морального самосознания, актуальную жизнь которого мы наблюдаем в чистом сознании или в чистом Я, как о нем учит новейшая философия. Но никогда не нужно забывать, что существуют и еще более высшие ступени нравственности, — те ступени проникновения добром, в которых погашается всякая рефлексия, всякий гнозис. На них добро настолько проникает жизнь, что сама жизнь становится полнотой добра. В таких состояниях исчезает всякий момент стремления к чему-то высшему, ибо оно уже — "здесь", присутствует и действует во всей своей полноте. К ним не применима идея нравственной автономии, предполагающая, что добро еще не достигнуто, но только может быть достигнутым. Здесь снимается даже и идея ответственности, подразумевающая также неполное проникновение добром. Это — стадия морального экстаза, которым владеет добрый демон. Не лицо, а он является в них истинным деятелем. Рассматривая их с точки моральной рефлексии, мы начинаем чувствовать, что уже не мы являлись здесь самоопределяющимися лицами, но какая-то добрая сила руководила нами и заставляла нас делать то, что мы совершили.

Для нас представляется совершенно ясным, что правовые акты могут иметь место далеко не на всех означенных ступенях нравственности. Носителем их не может быть прежде всего низшая ступень нравственности, — область господства élan vital. Но им чужда также и высшая нравственная ступень, — ступень нравственного экстаза. И там и здесь одинаково нет места признанию, — этому основному акту, в котором проявляются правовые ценности. Признание есть акт, возможный только на средних ступенях моральной жизни, на ступенях рефлексии и гнозиса. Правовым субъектом как деятелем может быть только то лицо, которое способно совершать акты признания и сопереживать их. Другими словами, область права значительно совпадает с способностью совершать акты, которые можно назвать сознательными и разумными.

В сказанном находит свое объяснение тот всем известный факт, что животные могут быть субъектами права как ценностями, но не могут быть субъектами права как деятелями. Факт этот совершенно очевиден, и только недостаток размышления может побудить к сомнению в его истинности. В самом деле, животное существование по природе своей может обладать если не самостоятельной, то утилитарной ценностью. И положительное право может признать "субъектами права" животных, защищая их и охраняя. Но ни одна правовая система не может признать животное правовым деятелем. Нельзя заставить животное защищать свои интересы на суде, занимать ответственную должность, быть опе-

куном, представителем или поверенным. Животные не входят фактически правовыми деятелями в правовое общение, так как не обладают способностью совершать те акты, которые способен совершать человек.

Можно понять также, почему те нравственные системы, которые признавали ценность только высших, экстатических ступеней нравственной деятельности, равнодушно и даже отрицательно относились к праву. Им также была чужда и далека деятельность разумного признания, составляющая основу всякого правового общения. Отношения существ, находящихся в стадиях нравственного экстаза, не могут быть построены на праве и не знают права. Им право не нужно с высшей точки зрения, как животному существованию оно не нужно с низшей.

Глубокая инстинктивная мудрость лежала в старом воззрении юристов, что субъектом права может быть только человек, — конечно, субъектом права как деятелем. Не физический человек и не субъект научной психологии, но человек как единственный известный нам носитель актов признания; иными словами, сознательный и разумный человек или, на языке юристов, человек граждански зрелый, обладающий здравым умом и твердой памятью. Факты зрелости, сознательности, разумности суть внешние проявления непосредственных состояний внутренней духовности, внешние обнаружения внутренней актуальности сознания. Если иметь в виду их внутреннюю сторону, в установлении ее юрист совершенно не волен. Он принужден считаться здесь с некоторыми непосредственными данностями, наличием которых обуславливается основное свойство субъекта — дееспособность. Единственный способ, который предоставляется юристу при принятии этих данностей, — это условно установить срок наступления сознательности и зрелости, а также условиться в общепризнанном определении их признаков. Таковую задачу и выполняет положительное право с его нормами, обобщениями которых является юридическая теория. Нормы положительного права по большей части и суть такие условные установления, сделанные по поводу некоторых, чисто фактических данностей. Если выразить законодательные положения в нормативной форме, то они приблизительно формулируются так: "должно считать зрелым в 21 год", "здравым умом должно считать такое-то душевное состояние" и т. п. Положительное право может различно условливаться относительно признаков сознательности и зрелости человека, но оно никак не может провозгласить сознательным явно помешанного или зрелым — годовалого ребенка. Нормальные определения положительного права устанавливаются в рамках указанных фактов и не могут выходить за их пределы.

Для того, кто привык считаться только с нормами положительного права, факты эти часто отодвигаются на второй план и при некоторых условиях могут просто исчезнуть с поля умственного зрения. Вращаясь только в области условных определений и искусственных установлений, мы невольно утрачиваем способность к усмотрению существенных, фактических отношений. Философия юридически-должного и есть филосо-

фия положенного и установленного, которое возведено на степень особой категории, особого модуса мышления. Но если отправляться не только от того, что люди считают правом, если исходить от идеи права вообще, независимо от человеческих установлений и исторических учреждений, — эта фактическая сторона правовых явлений необходимо выступает на первый план и приобретает даже доминирующее значение. Таким "фактическим" существом является и правовой субъект со всеми его основными свойствами.

Феномен правового субъекта как носителя актов и как деятеля отнюдь не утрачивает своего фактического характера, коль скоро идет дело о действиях лиц, являющихся носителями каких-либо посторонних им, самостоятельных сверхличных целей, интересов или ценностей. Было уже сказано, что последние не могут быть носителями актов, не могут иметь поведения. Однако поведение лиц может обуславливаться ими. Разница между поведением лица, выступающего "за себя", и поведением лица, действующего "за другого", "во имя другого", "в интересах другого", есть разница в принципах и основах действий и мотивации. С точки зрения лица как носителя актов к этой разнице и сводится весь спор о так называемых юридических лицах. Сами юридические лица не могут совершить актов, если только они не являются самостоятельными, живыми и способными к деятельности признания существами. Акты совершаются "за них" и "именем их" и выполняются реальными юридическими деятелями. Таким образом, с точки зрения лица как деятеля проблема юридической личности сводится к вопросу об особом характере осмысливания нашего поведения. Неправильно думать, что такой взгляд является утверждением крайнего юридического номинализма, наподобие воззрений Рудольфа фон Иеринга. Напротив, мы всячески склонны защищать актуальность "всеобщего" в праве, но только мы не считаем возможным приписывать ему способность совершать акты. В юридической жизни постоянно выступают, в качестве ценностей, различные, сверхперсональные содержания — сверхличные ценности, цели, интересы, однако реальными деятелями в ней все же остаются люди, и только одним им свойственна способность совершать сознательные и разумные акты.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бринц. Руководство по пандектам, 1873, т. I, с. 172: "Согласно общепринятому словоупотреблению лицо означает не более и не менее как человека". "Только люди суть лица" (с. 194). — Дернбург. Пандекты, Берлин, 1902. 7-е изд., с. 107, прим. 1, 108. — Виндшейд-Кипп. Пандекты, I, с. 187, прим. 1 и др.

Пандекты — сочинения крупнейших древнеримских юристов, построенные в виде коротких извлечений из законов и работ предшествующих авторов. В Древнем Риме пандекты рассматривались как сборник действующего права и как учебник по праву.

² *Коген Герман* (1842—1918) — немецкий философ, глава Марбургской школы неокантианства. Разрабатывал методологические проблемы научного познания, опираясь на кантовскую гносеологию. В отличие от Канта, истолковывал мышление в качестве деятельности, порождающей не только форму, но и содержание познания. Согласно Когену, теоретическое познание и право, наука и правовое государство — фундамент культуры и условие свободы человеческой личности, которая составляет важнейшую цель исторического развития. Создатель теории "этического социализма". Труды Когена оказали большое влияние на формирование Н.Н.Алексеева как ученого.

³ "Республика" Платона — один из наиболее известных диалогов Платона, в котором раскрываются его политико-правовые и этические воззрения, утверждается идеал государства, поясняется учение об идеях и теория познания. Принятый в настоящее время перевод названия диалога — "Государство".

⁴ *Гельдер*. Естественные и юридические лица, 1905, с. 111–112: "Что, однако, означает, что наше право признает всех людей без различия как лиц? Так обозначается ценность, которую оно признает за их жизнью". — *И. Биндер*. Проблема юридической личности, 1907, с. 41: "Если мы сегодня узнаем, что все люди правомочны, то тем самым — как Гельдер, к сожалению, лишь мимоходом право отмечает, что человеку присвоена ценность, которую правопорядок признает за его жизнь". — *Л. Дюги*. Государство, объективное право и положительный закон, т. I, с. 161, устанавливая понятие "субъективного юридического положения" (субъективная юридическая ситуация) подчеркивает в нем момент ценности: "есть ситуация, созданная самой сознательной индивидуальной волей... и как таковая имеющая социальную ценность".

Дюги Леон (1859—1928) — французский ученый-юрист, по преимуществу занимался вопросами теории государства. С позиций социологического подхода критиковал как индивидуалистические, так и естественно-правовые концепции государственной власти. Позитивное право, согласно Дюги, определяется рядом "социальных фактов", к примеру, таких как "социальная солидарность".

⁵ *Модус* — философский термин, обозначающий свойство предмета, присутствующее ему лишь в некоторых состояниях, в отличие от атрибута — неотъемлемого свойства предмета. В философии Спинозы под модусом понималось всякое единичное проявление единой субстанции, которая отождествлялась с Богом и природой.

⁶ *Бонзельс Вальдемар* (1881—1952) — немецкий писатель, автор популярных книг, содержащих описания путешествий и наблюдений за природой. В поздний период своего творчества писал стихи философско-мистического характера.

⁷ Ср. *П. Натопн*. Всеобщая психология.

Натопн Пауль (1854—1924) — один из видных представителей Марбургской школы неокантианства. Автор многочисленных работ в области методологии научного познания, логики, истории философии. Разрабатывал так называемую "социальную педагогику", основную задачу которой видел в образовании индивида с целью включения его в движение человечества к идеальному обществу, где личность, в соответствии с кантовским категорическим императивом, рассматривалась бы не только как средство, но и как цель.

⁸ Ср. *П. Натопн*, цит. соч., с. 28–29. — *М. Шелер*. Формализм и т. д. (рус. текст) называет "лицом" нечто по идее своей близкое к такому чистому сознанию. "Лицо есть конкретное, самостоятельно существующее бытийное бытие действий разнообразных сущностей" ... Бытие лица не есть предмет" ... "Единичный и

исключительный вид его данности есть ... лишь само его осуществление действия (включая и осуществление действия его отражения своих действий), — осуществление действия, в котором оно живет и одновременно переживает само себя" ... "Итак, если ... под "сознанием чего-то" понимать все сознательно направленные и осмысленные действия ... то можно и должно обозначить лицо и как конкретное "осознание" (с. 397–407).
⁹ "жизненный порыв".